

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА:

«К югу от Вирджинии»

«МЕДОВЫЙ РАЙ»

«БЕРЛИНСКАЯ ЛАТУНЬ»

«ХАРОН»

«КОРОНАЦИЯ ЗВЕРЯ»

«БРАТ МОЙ КАИН»

«ВРЕМЯ ВОДЫ»

«ОБНАЖЕННАЯ НАТУРА»

«ШЕСТЬ ТОНН ВАНИЛЬНОГО МОРОЖЕНОГО»

«ЛАТГАЛЬСКИЙ КРЕСТ»

«ГОРГОНА»

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ»

«САДЫ КАЗАНОВЫ»

«МУЖЧИНЫ НАСТОЯЩИЕ И ДРУГИЕ, КОТОРЫЕ ТАК СЕБЕ»

«СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ОРГАНЫ»

«РИСОВАЛЬЩИК»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

ВРЕМЯ ВОДЫ

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2022

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Б86

Книга издана в авторской редакции

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберיום»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Бочков, В.

Б86 Время воды / В. Бочков. — М.: Флоберיום / RUGRAM,
2022. — 228 с. — (Eros & Thanatos).

ISBN 978-5-521-90193-7

Анна Филимонова, русская эмигрантка, чудом спасается от потопа, накрывшего маленький латышский город. Теперь церковная колокольня — ее пристанище. Вода покрывает землю до самого горизонта. По радио сообщают, что потоп всемирный, но остались выжившие. Анна решает отправиться на поиски суши. Смастерив плот из прибитого течением контрабаса, она начинает свой путь. На протяжении путешествия задается вопросами: кто есть Бог и есть ли он вообще? для чего она живет и кто властен над ее судьбой? Дрейфуя, она приходит к неожиданным выводам.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90193-7

© Валерий Бочков, текст, 2022
© Валерий Бочков,
иллюстрация на обложке, 2022
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2022
© ООО «Флоберיום», 2022
© RUGRAM, 2022

За ночь вода поднялась еще на полкирпича. Филимонова присвистнула, наклонилась и процарапала гвоздем новую метку.

Спина затекла. Не вставая с колен, Филимонова медленно разогнулась. Охнула, выпрямилась, подперев кулаками поясницу. Тут главное не торопиться, усмехнулась она, если тебе уже не пятнадцать, обращаться с телом нужно бережно. Этим маем Филимоновой стукнуло ровно пятьдесят. На банкете она, перебрав смородинового крюшона, так и объявила: «Полтинник... Кто бы мог подумать, а? Мне — полтинник! Вот и я вышла в тираж...» А после не на шутку разревелась, сморкаясь в салфетки, громко икая и требуя не обращать на нее никакого внимания.

На сегодняшний день в тираж вышли и все остальные, причем независимо от возраста.

1

Вчера ей повезло: Филимонова выловила семь апельсинов. Один она тут же съела, вытерев об подол и ловко очистив зубами рыжую кожуру, от которой слегка воняло тиной.

Теперь от всего воняло тиной, ряской, болотом. «Слишком много воды, — подумала Филимонова, — и прибывает слишком быстро». Если так дальше дело пойдет, то пропажа консервов окажется не такой уж серьезной проблемой. Хотя, конечно, до слез жаль. Особенно те две банки крабов. В собственном соку — она вспомнила этикетку и рот наполнился слюной.

— Вот ведь мерзавец — красть у одинокой женщины, — и Филимонова, ворча, поднялась, больно ударив плечо о литой край колокола. Громко и от души выругалась. Потревоженный колокол отозвался низким гулом.

— Прости меня, Господи, — пробормотала она, тут же подумав, что в свете последних событий, Он вряд ли всерьез обидится на сквернословие в церкви. Да и не в церкви, собственно, на колокольне. «Считай, почти на свежем воздухе», — решила она.

Филимонова называла себя гностиком — ей нравилось слово, да и беспечная безбожность пионерского детства заложила фундамент. Однако убежденной атеисткой она не была: филимоновское отношение к Богу было почтительно настроженным, ее тип гностицизма вполне допускал существование некой Высшей Силы. Почему бы и нет? На всякий случай она иногда даже ставила свечи и украдкой неловко крестилась в каком-нибудь темном углу церкви, на Пасху непременно красила яйца и от случая к случаю невпопад постилась. Христианское общество, построенное на братской любви, виделось ей милым идеализмом, впрочем, к организованной религии она относилась с недоверием. Скучные лики икон, мертвый Бог на кресте, выкрашенный розовой краской с красными каплями на лбу и ладонях, аляповатые росписи по стенам, свечной угар — это и есть надежда на спасение души?

Был и личный аспект: Бог Отец, он же Вседержитель, Творец неба и земли, всего сущего — видимого и невидимого. И если к Святому Духу и к Богу Сыну у нее претензий не было, то Бог Отец напоминал ей деда Артема, здоровенного бородача, пьяницу и охотника подраться. Родители несколько раз сплавляли ее на лето в ту приволжскую деревню, с

кряжистыми домиками, воронами над кладбищем, глубоченным колодцем, на дне которого обитало гулкое эхо. Дед, источая сладкий сивушный дух, сажал внуку на колено, сдувал табачный сор с липких леденцов и страшным суковатым пальцем щекотал ее куриные ребра.

Старик Филимонов стал самым жутким воспоминанием детства — никогда ей не забыть то раннее июльское утро, когда она увидела деда Артема, повесившегося на кривой антоновке у сарая. Яблоня зимой замерзла и к следующей весне чернела мрачной корягой среди зелени сада. С тех пор Филимонова не ест яблок, при одном виде у нее перед глазами всплывает перекрученный ремень, белая борода и костистые босые ноги, едва касающиеся острой высокой травы.

2

Филимонова взгромоздилась на широкий подоконник. Уперла руки в беленые балясины сводчатого окна, подалась вперед. Осмотрелась — да, вода явно прибывала.

Это было заметно и по деревьям. Макушки высоких лип едва торчали из воды косматыми низень-

кими кустами, в них кое-где еще мутнел утренний туман. Вдали темнела колокольня кирхи и шпиль с крестом. В проеме башенки маячил тощий силуэт пастора, заметив Филимонову, он замахал неуклюжими руками. Та лениво махнула в ответ и отвернулась.

Сейчас она жалела, что так и не заглянула в кирху, не познакомилась с пастором. Иногда, прогуливаясь по липовой аллее, она слышала утробное пыхтение гудящего органа да шурилась на радужные блики оконных витражей. Пастора, похожего на черную цаплю, она часто видела в городе. Ее кресло стояло у окна, проходя мимо парикмахерской, пастор всегда останавливался и церемонно наклонял голову. Филимонова делала вид, что занята.

Филимонова ловко соскочила на цементный пол, звонко шаркнув подошвами, несколько раз с удовольствием топнула ладными кавалерийскими сапогами. Сапоги были черной, мягкой кожи с высокими голенищами. Чуть велики, правда, так ведь не на танцы, подумала она. Танцы, похоже, закончились. Она с сожалением оглядела свои ноги, лаковый носок, пятку, наборный каблук — что-что, а танцевать она любила.

Сапоги ей достались от дезертира. Не подарок — скорее балласт. Дезертир улизнул под утро, прихватив мешок с филимоновскими консервами.

Дезертир появился два дня назад. Приплыл на автомобильном баллоне, похожем на гигантский черный пончик, увешанный авоськами и мешками с добром. Он сразу не понравился Филимоновой. Шмыгая носом, дезертир пялился на ее тугую грудь, торопливо бубнил, что надо двигать на запад. При этом махал рукой в сторону кирхи, хотя там определенно был север. Говорил что-то про топографию, Даугавпилсскую возвышенность, что он-де понимает карты и у него есть компас.

«Какая к чертям собачьим возвышенность! — зло подумала Филимонова. — Посмотри вокруг, дурак». Но дурак был прав — нужно двигать. Сидеть на месте нельзя.

Поджав под себя ноги и нервно почесываясь, дезертир торопливой скороговоркой нес околесицу, иногда озирался и, подавшись к Филимоновой, переходил на сиплый шепот:

— Вот этими вот глазами, убей меня Бог! Чего ж я врать-то, Анна Кирилловна, буду?.. Поляка того, Мачека, прям на палубе... он не успел, а люки уже того... Задраили. Так вот они черепушку клювами в два счета, как орех... а после гляжу — мозгом лакомятся... Стервятники.

Филимонова молча сидела напротив, по-турецки сложив ноги. Огонек коптил, в его прыгающем свете лицо дезертира казалось желтоватым, как сырое те-